

— Бей! Попробуй только тронуть его ещё раз пальцем! Мне плевать, кто ты такой, я этой табуреткой тебя прикончу, понял?!

Мужской голос только прозвучал у двери, как лицо Гу Шэна резко изменилось. В тот миг, когда дверь выбили, он изо всех сил попытался подняться с пола, протянув руку, чтобы остановить его:

— Ты с ума сошёл! Это же...

Казалось, тот яростный удар Мэйсян задел кость. Сначала ничего не чувствовалось, но стоило немного пошевелиться, как мышцы потянули за собой сухожилия и кости, и невыносимая, пронзающая до мозга костей боль в рёбрах и плече нахлынула, мгновенно сдавив верхнюю часть тела, словно железными тисками. Гу Шэн тут же почувствовал, как перед глазами потемнело, и боль приковала его к месту.

Цзян Чэн, которого Гу Шэн дёрнул, слегка изменил траекторию табуретки. Она пролетела в сантиметрах от плеча женщины, пролетела несколько метров и с грохотом рухнула в кучу сухой травы, подняв облако пыли на полфута в высоту.

Если бы этот удар пришёлся по голове человека, тот бы не выжил и до вечера.

Женщина была настолько шокирована, что оцепенела, безумно глядя на двоих перед собой, отступила на шаг и упала на колени. На её лице застыло выражение, будто она вот-вот заплачет, но из горла не вырвалось ни звука.

Цзян Чэн отвел взгляд, ошеломлённо уставившись на полуприсевшего Гу Шэна. Тот же, казалось, испытывал невероятные муки: губы плотно сжаты, лицо белое как бумага, крупные капли пота стекали со лба, смачивая длинные, редкие ресницы молодого человека. При этом он судорожно вцепился в левую сторону своей одежды, почти сворачиваясь пополам.

Цзян Чэн тяжело перевёл дыхание. Худой, тщедушный, скрюченный силуэт молодого человека с неожиданной жестокостью врезался ему в глаза, заставляя сердце, только что вернувшееся на место, снова готовое выпрыгнуть из горла.

— Чёрт... Гу Шэн, Гу Шэн! — Цзян Чэн шагнул к нему, с поразительной осторожностью поддерживая его правый бок, двумя пальцами повернув его лицо к себе. Увидев, что губы молодого человека полностью лишились цвета, он уже открыл рот, чтобы крикнуть, чтобы его отвезли в больницу, но услышал, как Гу Шэн, переведя дух, ровным голосом сказал:

— Она ни при чём. Лёгкая травма, ничего страшного.

Он был в сознании, и Цзян Чэн немного успокоился. Бросив взгляд на людей во дворе, он ледяным тоном процедил:

— Не лезь не в своё дело. Я сейчас же позову Ду Ханя, чтобы он тебя осмотрел. Если что...

— Не надо! — Гу Шэн резко повысил голос, одновременно с силой вырываясь из поддерживающих рук Цзян Чэна.

Пока он не двигался, Цзян Чэн ничего не замечал, но как только тело выскользнуло из его рук, он тут же почувствовал, как влажная жидкость потекла между пальцами и затекла в рукав. Гу Шэн следом изменился в лице, глядя, как Цзян Чэн подносит ладонь к себе — на ней алела лужа крови, стекающая с мозолей от пистолета!

А на спине Гу Шэна, на его светло-голубом чаншане, уже расплывалось тёмно-красное, почти чёрное пятно.

Цзян Чэн выругался, не говоря ни слова, подхватил Гу Шэна за талию, одной рукой обхватил под коленями и, подняв его с земли, понёс прочь!

Цзян Чэн с десяти лет, с тех пор как взял в руки мачете для драк, никогда не боялся вида крови. Он мог избить человека до кровавого месива, распороть живот, не моргнув и глазом. Он повидал серьёзные ситуации и кое-что понимал в оценке травм. Но эта кровь на руке словно воткнулась ему в глаза ковром, усеянным иглами, мгновенно вызвав панику. Необъяснимый страх нахлынул на него. Цзян Чэн, с глазами, готовыми вылезти из орбит, думал только об одном: лишь бы с Гу Шэном всё было хорошо, ради этого он готов на всё.

Бессвязно бормоча «только бы ничего не случилось», он усадил Гу Шэна в машину. В этот самый момент Гу Шэн всё ещё пытался выбраться из машины. Цзян Чэн почти рефлекторно поднял руку, чтобы ударить, но замер на полпути. Он постоял на месте, тяжело дыша, затем, опершись на окно машины, опустил голову и посмотрел Гу Шэну в глаза:

— Родной, так нельзя. Даже если не хочешь, сейчас ты должен поехать со мной в больницу. Ладно?

Он произнёс это тихим голосом, затем с силой подогнал ногу Гу Шэна, пытавшуюся выйти, обратно внутрь, следом вскочил в машину и захлопнул дверь:

— Поехали! В западную церковную больницу.

Всю дорогу Цзян Чэн ругался и ворчал. То обзывал водителя Сяо Ли идиотом, за то что те несколько сотен метров они ехали целую вечность и до сих пор не видно больницы, несколько раз порывался вышвырнуть Сяо Ли и самому схватиться за руль.

Гу Шэна его крики снова начали раскалывать голову. Стиснув зубы от пронзающей боли в спине, он крикнул:

— Цзян Чэн, заткнись!

Цзян Чэн уже собирался снова обругать Сяо Ли за тряскую езду — машину болтало, как повар подбрасывает еду на сковороде. Услышав это, он мгновенно замолчал и даже осторожно замедлил дыхание — дорога была прямой, Сяо Ли вёл машину ровно. Это он, прижимая голову Гу Шэна к своей груди, нарочно тряс его, когда говорил.

Цзян Чэн не смел пошевелиться, только скрипел зубами. Сяо Ли, дрожащий от страха, словно прислуживающий тигру, наконец смог перевести дух и вернуть голову, висевшую на поясе, на шею.

Когда Цзян Чэн ворвался в больницу и, бегая по коридору, орал имя Ду Ханя, тот как раз сидел в приёмной, доедал пельмени и рассказывал анекдоты новой медсестре. Тут же он поперхнулся старым уксусом с начинкой, забыв о только что созданном хорошем впечатлении перед девушкой, схватил платок и, кашляя, вылетел наружу.

Цзян Чэн, неся человека на руках, шёл к операционной, матерясь на ходу. Ду Хань, увидев его с верхнего этажа, закричал:

— Эй, эй, я здесь! Что случилось? Что за такой шум?!

Ду Хань был одноклассником Цзян Чэна со времён учёбы. Родом из обычной семьи, он благодаря усердию, трудолюбию и уму смог поступить в университет. Из-за хорошей учёбы и покладистости он три года подряд делал домашние задания за Цзян Чэна и других, завязав с несколькими богатыми молодыми господами нерушимую революционную дружбу. Позже Ду Хань поступил в медицинский институт, уехал за границу, вернулся и начал работать, часто помогая Цзян Чэну разбираться с различными проблемами, укрепляя их дружбу. Как сейчас.

— Скорее всего, перелом. Кровь не останавливается. Сознание неясное. Вот примерно так. — Цзян Чэн тут же выпалил.

Ду Хань, бежа, подкатил портативную каталки, подбежал к Цзян Чэну, переложил на неё человека, которого тот нёс на руках, оттолкнул Цзян Чэна, потрогал лоб пациента и тут же начал кричать медсёстрам, чтобы принесли успокоительное, анестезию и готовили всё для экстренной помощи:

— Удар ногой? Плечевая или локтевая кость? Сознание спутанное, есть признаки лихорадки? Сколько времени? Сильное кровотечение, сломанная кость проколола лёгкое?

— Лихорадка? Нет... Он только что... — Цзян Чэн бежал за ним. Обычно в штабе, даже в самых экстренных ситуациях, он никогда не терялся, но сейчас язык у него заплетался. — Это не удар ногой...

У Ду Ханя сейчас явно не было времени обсуждать это. Он вкатил каталки в операционную и захлопнул дверь перед Цзян Чэном.

Операцию проводил не Ду Хань. Он уже сделал четыре операции утром, поэтому пришлось пригласить уважаемого директора отделения хирургии Вана с двумя учениками. Сам же он остался ждать в кабинете с Цзян Чэном, уставившись друг на друга.

Остывшие пельмени Ду Хань есть не стал, а просто уставился на Цзян Чэна.

Цзян Чэну стало не по себе от его взгляда. Он уже собирался взорваться, как вдруг Ду Хань положил палочки на тарелку и мрачным тоном начал:

— Не хочу тебя упрекать, молодой господин Цзян, но я, хоть и недолго учился медицине, знаю, что актёры и певцы с древних времён считались людьми низкого сословия, но так с ними обращаться всё же нельзя.

Цзян Чэн замер, изо всех сил стараясь успокоиться, и оправдывался:

— В этот раз это не я его бил...

— Ещё как ты! — Неожиданно Ду Хань, услышав начало фразы, тут же вскочил, схватил лежавшую рядом медицинскую карту и, ткнув ею в сторону Цзян Чэна, выпалил:

— Сколько раз это уже за последний месяц с половиной? А? Сколько раз я выезжал к тебе? Получаю звонок посреди ночи, что ты кого-то избил, бросаю операцию на полпути, чтобы приехать к тебе на экстренный вызов — это же человеческая жизнь! Я столько лет учился, чтобы обслуживать твои постельные дела?!

— Третий и четвёртый рёбра треснуты, переломы плечевой и лучевой кости, разрывы в прямой кишке, воспалительная реакция, длительная субфебрильная температура, не спадает. И это ещё хорошо, что не началась инфекция. Ты силой принуждаешь актёра — спроси, вся

Цзиньчжоу знает, кто не знает? Кто же, чёрт возьми, жить надоело, чтобы трогать твоего любимчика?!

Ду Хань ругался, скрипя зубами от злости, выплёскивая всю накопившуюся ярость. Нецензурные слова, которые он никогда раньше не произносил, без колебаний летели в лицо молодому господину Цзяну. Закончив, он плюхнулся в кресло, тяжело дыша, одной рукой прижимая виски и закрыв глаза.

Автор хотел бы сказать:

Эти две главы такие длинные... такие длинные!.. Неужели никто не оставит лайк или комментарий? (слёзы)

Ладно TVT, просто хочу знать, кто-нибудь вообще читает то, что я пишу? TVT...

<http://bllate.org/book/16144/1445681>